

КЕННЕТ ГРЭХЕМ ВЕТЕР В ИВАХ

Перевод с английского Цитович Ларисы Григорьевны

СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Grahame Kenneth

Ветер в ивах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68915217

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть «Ветер в ивах» (1908 г.) английского писателя Кеннета Грэхема (1859 – 1932) – сказка для детей и намек для взрослых. Именно она принесла автору мировую славу. У нее не совсем обычная судьба. Первоначально встреченная издателями с непониманием она выдержала в Англии в разных вариантах около ста изданий и стала классикой детской литературы. Но с не меньшим наслаждением, чем дети, ее читали и перечитывали взрослые, находя в сказочных персонажах из мира живой природы поучительные картинки поведения маленьких и больших людей в жизненных ситуациях. А теперь давайте начнем читать книгу.

Содержание

I. Берег реки	6
II. Открытая дорога	24
III. Дикий лес	42
IV. Мистер Барсук	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Grahame Kenneth

Ветер в ивах

Литературная
РОССИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

№ 2881

23 мая 88 197 г.

Адрес редакции: Москва, Цветной бульвар, 30. Тел. 221-40-06, 295-00-00 доб. 188

Адрес для телеграмм: МОСКВА ЛИТРОССИЯ

Уважаемая Лариса Григорьевна!

"Берег реки" я буду предлагать к печати.

Зав. отделом зарубежных л-р

Ю. Грибачев /Ю. Грибачев/

Зан. 611-75 г. т. «ЛГ»

Повесть К. Грэхема
прекрасна, ошеловачивающа. И
исрелвад хорошият. Я-исчераван
два кога с префотемеша в
двоисси брешине, кога в огуле
прози. Это - классика, и в
100 раз лучше всего, во мн
негатив за год.

Горело рекомандуя, кога и
не верю в успех нисей
рекомандации.

29.3.84. С. Мф

I. Берег реки

Крот усердно работал все утро. После долгой зимы он наводил в своем маленьком жилище первый весенний лоск. Вначале трудился с метлами, потом вытирал тряпками пыль, потом взбирался на лесенки, порожки, стулья со щеткой и ведром известки – и так до тех пор, пока глаза и горло не забились трухой, не стала болеть поясница и руки, а брызги известки не заляпали его черную шкурку. Весна тем временем наседала на пятки. Она прокралась даже в его глубокую нору, с досадой осмотрелась и распространила вокруг себя свое божественное недовольство. Крот на минуту остановился, затем швырнул щетку на пол и со словами: «Черт побери!», «Вот связался!» «Да провались-ка эта уборка!», поспешно выскочил из дома, не потрудившись даже надеть пальто. Его настойчиво манило наверх, и в замешательстве он взялся рыть крутой тоннель. Итак, он драл, скреб, скоблил, протискивался, снова скреб и скоблил, приговаривая под нос «Мы идем вверх! Мы идем вверх!», пока, наконец, ах! – рыльце его не выглянуло на солнечный свет, и он не оказался на теплой траве большого луга.

– Как это здорово! – сказал он сам себе. – Это гораздо интересней, чем моя побелка!

Яркие лучи запрыгали по его шерстке, нежный ветерок обласкал разгоряченное чело, а после уединенного подваль-

ного життя веселые птичьи голоса воспринялись им как неистовые крики. Вскочив на все четыре лапы, радуясь жизни и весне, простой, как она есть, без обязательной уборки, Крот решил продолжить свой путь через луг, но довольно скоро недоуменно застыл, упершись в высокую ограду.

– Стойте! – предупредил немолодой кролик, выглядывавший из бреши. – Шесть пенсов за право путешествовать по частной дороге!

Однако тут же был сбит с толку небрежной манерой Крота, который рысью помчал вдоль изгороди и, подзадоривая тех, кто в предчувствии скандала высунулся из норок, намекнул на известную приправу к крольчатине:

– Луковый соус! Луковый соус!

И скрылся из виду, не дождавсь достойного ответа. И, конечно же, едва он исчез, кролики разом стали упрекать друг друга: «Какой же ты, однако, недогадливый! Ну, почему ты промолчал?» «Почему бы не напомнить ему...» и далее, и далее, и как это всегда бывает в случаях с немалой задержкой...

Все вокруг было сверх меры для правды! Минуя заборы, он шагал по лугам, отыскивал шумливые птичьи дома и бутоны цветов с молодыми клейкими листьями. А вместо уколов совести, шептавшей: «побелка!», Крот испытывал бесконечное счастье, каким в толпе очень занятых горожан наделяется лишь бродячая собака. Поскольку счастье повалить дурака где близко от тех, кто погряз в работе.

Полагая, что достиг верха блаженства, Крот бесцельно свернул в сторону и замер на берегу многоводной речки. Он никогда не видел реку. Это лоснящееся пышнотелое существо, заражающее своим весельем и желанием в него броситься, а после дрожать от его свежести. Все вокруг него тряслось и трепетало: блики, вспышки, искры, плески, журчанье, пузыри и шорохи. Крот мгновенно был пленен и очарован. Забыв о том, что взрослые черпают удовольствие лишь в возбуждающих историях, он уселся на покатый склон и принялся слушать вереницу лучших в мире преданий, которые вышли из самых глубин земли и не достигли пока ненасытного далекого моря.

Взгляд его рассеянно скользнул по берегу напротив и случайно обнаружил темную дыру как раз на уровне водной кромки. Он взгляделся и стал размышлять о том, каким уютным могло бы стать это жилище даже при небольших стараниях. И тут в глубине норки что-то сверкнуло. Погасло и снова вспыхнуло. Звезда в таком неподходящем месте не допускалась. Но и для светляка мигалка была совсем не маленькой. Крот запутался было в догадках, когда блестящая точка в упор уставилась на него, мигнула и этим сразу же себя выдала. Это был глаз. Постепенно, будто рама у картины, обрисовалось и лицо.

Смуглое маленькое лицо с усами.

Круглое очень серьезное лицо с той самой искрой в глазах, которая и привлекла внимание.

Острые изящные уши, густые шелковистые волосы.

Водяной Крыс!

Насторожившиеся животные внимательно оглядывали друг друга.

– Добрый день, Крот! – сказал Водяной Крыс. /

– Добрый день, Крыс! – ответил ему Крот.

– Вам не хочется перебраться на мой берег? – гостеприимно предложил хозяин.

– Легко сказать, – раздраженно пробубнил Крот.

Он, как известно, был новичком на реке и абсолютно не знал прибрежной жизни.

Крыс нагнулся, отвязал веревку, потянул за нее, и не сказав ни слова, легко ступил в маленькую лодку, которую Крот поначалу не заметил. Лодочка снаружи была голубая. Внутри выкрашенная в белый цвет, она была пригодна как раз для двоих. Сердце у Крота от счастья екнуло.

А Крыс пересек реку. Затем протянул переднюю лапу, и Крот, ухватившись за нее, чрезвычайно осторожно шагнул через борт.

– Не бойтесь! – поддержал его Крыс. – Будьте спокойнее!

И вскоре, к своему удивлению и восторгу, Крот обнаружил себя сидящим на корме настоящей лодки.

– Что за чудесный день сегодня! – сказал он в то время, как Крыс оттолкнулся от берега и снова взялся за весла. – Знаете, а я никогда в своей жизни не плавал на лодке.

– Что-о? – от удивления Крыс позабыл закрыть рот. – Ни-

когда в... вы никогда... бывает же такое! ...чем же. позволите вас спросить, чем вы вообще тогда в своей жизни занимались?

– А разве это так уж хорошо, что ничто другое не стоит внимания? – застенчиво поинтересовался Крот, хотя с тех самых пор, как он устроился на мягком сидении и с интересом обозревал подушки, весла, уключины и всякое другое оборудование, в душе он в этом не сомневался.

– Хорошо?! Да это единственное, что стоит жизни, – делая взмах и наклоняясь вперед, торжественно произнес Крыс. – Если вы хотите знать мое мнение, то по меньшей мере половина всех наших занятий, мой молодой друг, это – сущий пустяк по сравнению с простым катанием в лодке... простым катанием, – мечтательно продолжал он, – бесцельным болтанием...

– Смотрите вперед! – предупредил Крот.

Но было уже слишком поздно. Со всей скоростью лодка врезалась в берег. Мечтатель и заядлый гребец оказался на дне, его каблуки взметнулись кверху.

– ...в лодке или с лодкой, – спокойно поднимаясь, с приятной улыбкой продолжал Крыс. – Внутри нее или за нею, это большого значения не имеет. В таком деле вообще ничто не имеет значения. Тут как раз и кроется вся прелесть. Допустим, вы вывалились из нее или не вывалились, пусть прибыли к месту своего назначения или еще куда, может стать-ся вы и вообще никуда не прибыли – однако вы при деле,

хотя особо ничем и не заняты. И когда вы достигли того, о чем я сказал, у вас всегда есть что-нибудь впереди, что еще надо бы сделать, и вы можете сделать это, если вам хочется, но еще лучше ничего не делать. Послушайте! Если вы и действительно сегодня свободны, можно ли допустить такую мысль, что мы вместе на лодке спустимся вниз по реке и весь день хорошенько погуляем?

В знак явного удовольствия Крот покачал носком туфли и, блаженно вздохнув, откинулся на подушки:

– Ну, что за день! Сейчас же!

– Тогда подержитесь здесь с минуту, – сказал Крыс.

Он привязал фалинь к кольцу на пристани, вскарабкался в свою нору и очень скоро появился, шатаясь под тяжестью плетеной ивовой корзины.

– Суньте это себе под ноги, – предложил он, передав ее в лодку. Затем, опять отвязал фалинь и сел за весла.

– А что там внутри? – пробираясь к своему месту, любопытствовал Крот.

– Холодный цыпленок, – кратко ответил Крыс, – холодный язык, холодная ляжка, холодная тушка под маринадом, салат из корнишонов, крексы, салат в горшочке, французские булочки, сэндвичи, мясо приправленное имбирем, пивом, лимонад, содовая, вода...

– О, стоп, стоп, – в восторге закричал Крот, это очень много!

– Вы действительно так думаете? – серьезно спросил

Крыс. – Это только то, что я обычно беру в такие недолгие прогулки, а другие животные при этом говорят мне, что я просто скаредная скотина.

Крот предпочел не слышать некоторых слов. Втянутый в новую жизнь, опьяненную солнечным светом, тихим журчанием и запахами, он старался постичь все, но пока что не мог. Он задумчиво волочил свою лапу в воде и наяву грезил. Водяной Крыс, как всякое воспитанное существо, каким он и был, бессменно греб, стараясь его не беспокоить.

– Мне ужасно нравится ваша одежда, старина, – заметил он после того, как минуло около получаса. – Я собираюсь приобрести себе бархатную черную смокингую пару... когда-нибудь... когда я буду в состоянии себе это позволить...

– А мне следует извиниться, – с трудом выходя из оцепенения проговорил Крот. – Вы, должно быть, думаете, что я совсем не отесан, но все это так ново для меня. Все... это... река!

– *Эта* Река! – поправил его Крыс.

– А вы действительно живете только рекой? Что за прелестная жизнь!

– И ей, и с ней, и на ней, и в ней, – сказал Крыс. – для меня это и брат, и сестра, и тетушка, и товарищ, и пища, и питье, и, естественно, мытье. Она, это – мой мир, и я не хочу другого. Кто не имеет ее, тот не имеет ничего, и кто ее не знает, тот ничего не /знает. Господи! Да мы на минуту не расстанемся! Зимой ли, летом ли, весной или осенью – она

всегда дарит мне забавы и развлечения. И в феврале, когда на ней случаются паводки, и коричневая вода бежит мимо окна моей лучшей спальни, и мои погреба и подвалы переполняются питьем... что, правда, не очень здорово. И опять же, когда она пересыхает до капли и покрывается маленькими желобками, заторами сорной травы и лоскутами размокшего ила, который пахнет подобно сливовому торту. Я могу тогда совершенно запросто по ней бродить, и даже не замочив ноги, добывать себе свежую пищу и еще кое-какие безделицы, которые небрежные люди роняют из лодок.

– Но это не надоедает иногда? – осмелился спросить Крот. /

Только вы и река, даже словом обмолвиться не с кем/

– Обмолвиться не с кем... нет... конечно же... я не должен быть слишком суровым по отношению к вам. Ведь вы совсем недавно попали на реку и, вполне понятно, очень много не знаете. В наши времена берег так заселен, что многие даже покидают его, не выдерживают шума. Это вовсе не то, что было когда-то. Выдры, пегие зимородки, малые поганки – все они в любое время развлекут вас, если, конечно, у парней нет собственных занятий.

– А что это вон там, сверху? – спросил Крот, указывая лапой в направлении леса, который обрамлял луг по одну из сторон реки.

– Что? А, это, должно быть, Дикий Лес, – не очень охотно пояснил Крыс. – Мы не должны углубляться в него... мы,

прибрежные жители...

– А разве там... разве там не очень хороший народ? – немного озаботившись, спросил Крот.

– Да как вам..., – ответил Крыс, – дайте припомнить... белки там совсем неплохие. И кролики... некоторые из них... так-то кролики разными бывают... и потом, конечно, еще Барсук... он живет в самой гуще леса, он не может жить где-нибудь в другом месте... даже, если вы ему за это хорошенько заплатите. Старый милый Барсук! Никто не вмешивается в его дела. Вообще-то им лучше в них и не вмешиваться...

– А кто может вмешиваться в его дела? – спросил Крот.

– Да... разные там, – слегка замямвшись, пояснил Крыс, – ласки... и горностаи... и лисы... и другие... Все они хороши на расстоянии. Я с ними, конечно, дружу, радуюсь, когда встречаемся и все такое... но время от времени на них словно что-то находит... этого нельзя отрицать, и с этим надо считаться.

Крот уже понял, что грубейшим образом нарушит этикет, если задаст еще один вопрос и будет настаивать на подробностях. Он поторопился сменить тему:

– А там, за ним... еще один дикий Лес? – спросил он. – Там, где все какое-то голубое и пыльное, и некоторые из предметов кажутся холмами... или, может быть, это дым, или облака?

– За Диким Лесом начинается Дикий Мир, – пояснил

Крыс. И это нечто такое, что слишком далеко и от вас, и от меня. Я никогда там не бывал и туда не собираюсь. Впрочем, и вы, наверное, тоже, если имеете об этом понятие. Пожалуйста, не упоминайте больше о нем. А вот, кстати, и наша поляна. Здесь мы и позавтракаем.

Сойдя с главного фарватера, они проплыли сейчас в то, что, на первый взгляд, выглядело огороженным со всех сторон озером. Склоны его были покрыты зеленым дерном, коричневые витиеватые корни деревьев проглядывали сквозь чистую воду. Прямо перед ними – пенистый серебряный беспорядок запруды, приведенный в движение вращающимся мельничным колесом, которое наполняло мир глухим и ленивым бормотанием. Рядом с колесом – островерхий серенький домик мельника, откуда временами слышались веселые голоса, звучавшие на фоне этой густой тишины довольно отчетливо. Все это было так тихо и так прекрасно, что Крот смог только прижать обе лапы к груди и восхищенно вздохнуть: «Надо же!»

Крыс подвел лодку к берегу, пришвартовался, помог еще не освоившемуся Кроту благополучно выйти на берег, а потом уже вынес корзину с завтраком. Крот как об одолжении спросил о возможности распаковать ее самостоятельно. И Крыс рад был ему потворствовать. Он растянулся во весь рост на траве и отдыхал в то время, как его взволнованный друг, встряхнув скатерть, вытаскивал один за другим загадочные пакеты и при каждом новом открытии так же восхи-

ценно шептал: «Надо же!»

– Ну, а теперь, старина, энергично беритесь за дело! – предложил ему Крыс. И Крот с удовольствием повиновался, потому что в это утро он рано встал. А из-за уборки, как это, бывает, не проглотил ни крошки.

– Куда это вы все смотрите? – удивился Крыс, когда, наконец, первый голод притупился, и глаза его друга были в состоянии оторваться от скатерти.

– Я смотрю, – сказал Крот, – вон на ту полоску пузырей, которая так смешно болтается на воде, а сейчас направилась к берегу.

– Пузырей? О! – проговорил Крыс и затрещал языком в приглашающем тоне.

Из воды тут же показалась широкая блестящая морда, и вскоре, отряхивая капли с пальто, вытащил себя на берег Выдр.

– Ну и обжоры! – осматривая провизию, проговорил он. – Что ж ты меня не пригласил, Крысик?

– Мы не собирались, все вышло само собой, – пояснил Крыс. – Между прочим, познакомься, мой друг – мистер Крот.

– Я очень рад, – сказал Выдр, и, обменявшись взглядами, оба животных тут же стали друзьями.

– Что творится! – продолжал Выдр. – Весь свет сегодня вылез из речки! Я ведь сюда прибыл в надежде хоть как-то уединиться и тут же наткнулся на вас, ребята... простите...

я вовсе не хотел обидеть вас... ведь вы поймете меня правильно?

Позади него внезапно послышался шелест. Из-за изгороди, густо облепленной жухлыми прошлогодними листьями, выглянула полосатая голова, за которой, выпирали лопатки.

– Выходи, выходи, старый Барсук! – закричал ему Крыс.

Барсук сделал шаг, другой, затем, проворчав: «хм, компания...», повернулся и скрылся из виду.

– Вот так всегда, – разочарованно протянул Крыс. – Прямо-таки ненавистник всяких компаний. Сегодня ни за что не покажется на глаза. Ну, ладно, рассказывай, кто там еще из реки вылез?

– Жаб, например, – ответил Выдр, – в своей новенькой с иголки гоночной двойке. Весь, конечно, в новой одежде – все новенькое!

Оба животных понимающе взглянули друг на друга и расхохотались.

– Когда-то он не мыслил жизни без парусов, – сказал Крыс, – потом быстро ими пресытился и перешел к плоскодонкам. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как целыми днями плавать на плоскодонке, пока он не попал из-за них в хорошенькую переделку. В прошлом году он привязался к плавучему дому. Все мы должны были перебиваться в этой приспособленной под жилье барке* и притвориться, что и нам это нравится. Он собирался провести в этом доме весь остаток своей жизни. Вот так всегда и во всем, за что

бы ни принимался. Он очень быстро устает и переключается на что-нибудь новое.

– Такой хороший парень, – задумавшись, подтвердил Выдр. – Но никакого постоянства... особенно в лодках.

С места, где расположились они, через маленький островок, создававший запруду, хорошо обозревалось основное течение. Какая-то лодка попала им на глаза. Низкорослый и тучный лодочник сосредоточенно греб, и, делая частые повороты, невероятно брызгался. Крыс встал и, взглядевшись, окликнул его, но Жаб, (а это был именно он), слегка потрянув головой, неумолимо возвратился к прерванному занятию.

– Если он будет так разворачиваться, то в любую минуту может оказаться в воде, – усаживаясь, промолвил Крыс.

– Конечно, может, – согласился Выдр. – А я еще не рассказывал ту любопытную историю про Жаба и про сторожа у шлюза? Тогда послушайте. Вот как это случилось. Жаб...

Какая-то блуждающая майская муха под действием взывшей молодой крови, или под действием еще чего, резко изменила траекторию полета... вихрь воды и... «шлеп»!

Не стало ни мухи, ни Выдра.

Крот огляделся. Голос Выдра все еще звучал в его ушах, но дерн, на котором тот сидел, развалясь, был абсолютно пустым. Нигде... смотри хоть до самого горизонта, Выдра не было.

Только внизу, на поверхности воды, снова обозначилась полоска пузырей.

Заметив ее, Крыс отвернулся и тихонька стал напевать... А Крот еще раз за сегодня вспомнил об этикете. Этикет запрещал всевозможные комментарии по поводу внезапного исчезновения любого из членов компании.

– Ну, что ж, мой друг, – сказал Крыс. – Я полагаю, и нам пора отправляться. Осталось только уточнить, кому из нас захочется упаковать корзинку с остатками завтрака.

– О, пожалуйста, позвольте мне, – предложил Крот.

Упаковка корзины была не настолько приятным занятием, как распаковка. По своей приятности эти процедуры решительно расходились. Но Крота в тот день умиляло все. И, хотя в момент, когда на корзине затягивались ремни, в траве обнаружилась забытая тарелка, а после переупаковки, Крыс указал на еще одну вилку, и, в довершение всего, последним был найден горшочек с горчицей, на котором сидели... ничто по-настоящему не могло раздосадовать Крота. И работа была окончена без больших потерь в настроении.

Полуденное солнце уже садилось, когда Крыс, не глядя на Крота и мечтательно нашептывая какие-то поэтические безделицы, направил свою лодку к дому. Между тем Крот начинал испытывать щемящее беспокойство за свою никчемность. Убедившись, что приблизились к месту, он внезапно предложил:

– Крысик! Позвольте мне немного погрести.

Крыс отрицательно помотал головой, лицо его расплылось в улыбке.

– Нет, мой молодой друг, – сказал он, – в этом деле вам еще следует получить несколько уроков. Не так это просто, как поначалу кажется.

Крот успокоился на минуту-другую. Но постепенно на смену чувству досады пришел дух соперничества. Крыс греб очень уверенно и лодкой управлял почти небрежно. Что-то стало подсказывать Кроту, будто в мастерстве этом нет ничего сложного, и сам он мог бы грести не хуже. Не выдержав внутренней борьбы, он вскочил с сиденья и силой овладел веслами. Это произошло так внезапно, что задумчиво смотревший на воду Крыс потерял равновесие и, задрвав ноги, рухнул со скамьи. Торжествуя в душе победу, Крот мгновенно поспешил занять его место и крепче вцепился в весла.

– Оставь их, глупый ты осел! – закричал Крыс со дна лодки. – Ты не сможешь! Ты перевернешь нас!

Долго сдерживавший себя Крот, даже не оглянувшись на него, откинул весла назад и глубоко вонзил их в воду. Затем он сделал мощное запомнившееся ему движение, но при этом легко рассек поверхность воды и, не удержавшись, очутился лежащим поверх распростертого Крыса. В крайней тревоге схватился он за борт лодки... и... Плюх!

Он прошел чуточку выше борта, а в следующий момент боролся уже с рекой.

До чего холодной была эта вода... и... до чего же мокрой! До чего противно запела она в его ушах, когда он стал опускаться ниже и ниже...! До чего ярким и приветливым каза-

лось солнце, когда он поднимался к поверхности, всплывал и отплевывался! До чего же черным было его отчаяние, когда он чувствовал, что опять идет в воду! Внезапно чья-то сильная лапа ухватила его за холку. Это был Крыс, и он... смеялся... Крот даже почувствовал, как этот смех опускается сверху от крысова плеча, переходит в лапу, а потом в его, Крота, шею.

Поймав весло, Крыс протолкнул его под руку приятеля, потом сделал то же самое с другой стороны и, плывя сзади, как комок несчастья, погнал перед собой это жалкое обмякшее и беспомощное тельце.

Затем он вытер его досуха и, хорошенько отжав мокрую одежду, спокойно сказал:

– Теперь, дружище, побегайте по бечевнику так быстро, как сможете, пока окончательно не обсохнете и не согреетесь. А тем временем я нырну за корзиной.

Мрачный Крот, снаружи мокрый, а внутри пристыженный, не переча, послушался и добросовестно стал носиться вверх и вниз. Крыс между тем погрузился в воду, отыскал лодку, навел в ней порядок, пригнал к берегу и, наконец, благополучно нырнув за корзиной, вернулся на землю.

Когда все было улажено, и готовились тронуться дальше, поникший и удрученный Крот, заняв свое место на корме, тихим надтреснутым голосом произнес:

– Крысик, добрый вы мой друг! Я очень раскаиваюсь в своем неблагодарном, глупом поступке. Мое сердце до сих

пор колотится при мысли о том, что мы могли бы потерять эту чудесную корзину. Я и в самом деле был полнейшим ослом. Не могли бы вы навсегда забыть о моем поступке и простить меня, чтобы все у нас было так, как прежде?

– Ничего не случилось, мой друг! – ободряюще отвечал Крыс. – Что для Водяного Крыса чуточку помокнуть? Я и так гораздо чаще, чем на суше, бываю в воде. Хватит думать об этом. Знаете, мне кажется, вам не мешало бы побывать у меня в гостях, пожить в моем доме. Конечно, дом у меня ничем не примечателен, совсем не похож на дом Жаба. Но вы это нисколько не ощутите, я полагаю, что могу устроить вас в нем довольно сносно. Я научу вас плавать, и грести, и очень скоро вы станете таким же ловким на воде, как любой из наших жителей.

Крот был так тронут его сердечностью, что, лишившись голоса, даже не смог его поблагодарить. Опасливо покосившись на Крыса, он незаметно вытер слезу тыльной стороной лапы. Однако Крыс с мягким и доброжелательным выражением смотрел куда-то в сторону. И очень скоро присутствие духа снова вернулось к Кроту, и он даже почувствовал необходимость ответить должным образом парочке куропаток, которые хихикали над его небрежным внешним видом.

Когда они попали домой, Крыс в гостинной развел яркий огонь, усадил Крота в кресло напротив камина, принес ему теплый халат и комнатные туфли. А потом, вплоть до самого ужина, занимал его различными речными историями. Это

были очень волнующие истории, происходившие, как правило, с животными, неприспособленными к воде, вроде Крота. Он рассказывал о плотинах, о неожиданных наводнениях, о прыгающей щуке и о пароходах, которые бросаются тяжелыми бутылками (по крайней мере бутылки бросались с них). Рассказывал о цаплях, и о том, как разборчивы были те в выборе собеседников... и так далее... вплоть до приключений у канализационных труб, ночном рыболовстве Выдра и об экскурсиях с Барсуком далеко в поле.

Ужин прошел довольно весело и оживленно, а вскоре после него засыпающего на ходу Крота любезный хозяин проводил в лучшую из своих спален, где тот спокойно положил голову на подушку, слушая, как вновь обретенный друг, Река, ласково плещется у подоконника.

Этот день был одним из многих похожих друг на друга счастливых дней, и каждый из них становился длиннее и интересней, потому что на смену весне уже шло лето. Крот познал много радостей, которые дарит бегущая вода, он научился и плавать, и грести, и с нежным трепетом ловил теперь шелест речного тростника, когда, добродушно шурша, в нем терялся упругий ветер.

II. Открытая дорога

– Крысик, – как-то солнечным летним утром неожиданно сказал Крот, – если это можно, то мне хотелось бы, попросить вас об одном одолжении.

Крыс сидел на берегу реки, напевая какие-то куплеты. Он был полностью ими поглощен, поскольку только что их сочинил и, вполне естественно, ему было не до Крота, ни до кого другого. Он успел поплавать в реке среди своих друзей-уток. И когда утки внезапно вставали на головы, как могут одни только утки, Крыс нырял и принимался щекотать им шеи как раз под подбородком, если у уток вообще есть подбородки. Он принуждал их всплывать на поверхность, брызгаться и шипеть, поскольку чувства в этих случаях словами не передаются. Растеряв терпение, утки стали умолять его отцепиться от них и заняться собственными делами. И Крыс не стал им перечить. Он уселся на солнышке у реки и принялся сочинять о них песню, которую так и назвал:

ПЕСЕНКА про УТОК

В тихой спокойной заводи,
Наугад огибая кусты,
Серые утки плавают,

Здрав свои хвосты.

Вот селезня хвост, вот уточки,
Желтые лапы торчат.

А желтые где их клювики? —
В воде оживленно стучат.

Там, где зеленая слякоть,
Там, где плотва живет,
Холодно там и тускло.
Что их туда влечет?

Каждому то, что нравится,
Не следует им мешать
Головой вниз, хвостом наверх
На воде лежать!

В синем высоком небе
Стрижи оголтело кричат,
А утки, пусть и хвостом наверх,
Плавают и молчат!

— Я не знаю почему, но я все время думаю о вашей песенке, Крыс, — осторожно заметил Крот.

Сам по себе он не был поэтом и нисколечко этого не скрывал, поскольку был чистосердечной натурой.

— Дело здесь даже не в утках, — резко ответил ему Крыс. — Утки как бы только спрашивают, почему, мол, парням не

позволительно делать то, к чему у них лежит душа, и тогда, когда она лежит у них именно к этому. Разве лучше, глазеть на них часами, просиживая, как некоторые, на берегу, делать им всякие замечания и даже сочинять о них стихи? *Бессмыслица* все это! Вот что говорят утки!

– Да, это так, так, – горячо поддержал его Крот.

– Нет это не так! – вскричал Крыс.

– Ну, значит, не так, – миролюбиво согласился Крот. – Я только хотел узнать у вас, не возьмете ли вы меня с собой, когда соберетесь навестить мистера Жаба? Я очень много о нем слышал и хотел бы с ним познакомиться.

– Почему бы нет? – отмахнувшись от поэтических дум, сразу успокоился Крыс. – Вытаскивайте лодку, и мы поплывем к нему прямо сейчас. Для того, чтобы навестить Жаба, не существует неподходящего времени. Утром ли, вечером ли – Жаб всегда одинаков. Всегда в хорошем настроении, всегда рад вас видеть, всегда сожалеет, когда уходите!

– Он, должно быть, очень воспитанное животное, – прыгнув в лодку и, берясь за весла, заметил Крот.

– Действительно, лучший из всех животных, – с удовольствием устраиваясь на корме, отвечал Крыс. – Простой, добродушный, любящий. Возможно, не такой уж и умный... все мы не гении. Может, слегка хвастлив и тщеславен. Но у него есть немало хороших качеств, у Жаба.

Пройдя излучиной реки, они увидели величественный старинный дом из темно-красного кирпича. Аккуратно под-

стриженные газоны спускались к самой воде.

– Вот это и есть Жаб Холл, – пояснил Крыс. – А тот ручей слева, где висит объявление «Частная собственность. Не швартоваться», ведет к его лодочной станции, где мы и оставим свою лодку. Справа – конюшни. Там, куда вы смотрите – банкетный зал, он очень старый. Жаб довольно богат, вы это уже знаете, и его дом – поистине самый красивый дом в этих местах. Хотя мы, конечно, и не говорим ему об этом.

Они плавно вошли в ручей, и Крот ловко поместил весла вдоль борта. Как только оказались в тени огромного сарая, перед ними предстало множество превосходных шлюпок. Все они теснились в эллинге, и все – в разобранном виде. Ни одной на воде, и в надлежащем порядке.

Крыс огляделся.

– Я понял, – проговорил он. – В лодки Жаб уже отыгрался. Он устал от них, и с ними покончил. Хотел бы я знать, что за пристрастие у него теперь. Ну, да ладно, давайте пойдём к нему. Скоро он сам обо всем расскажет.

Они вышли на берег и пересекли цветущую лужайку. Жаб сидел в плетеном садовом кресле. Лицо его было сосредоточенным, на коленях разостлана большая карта.

– Ура! – закричал он при их появлении. – Как это чудесно!

Даже не ожидая, пока ему представят Крота, с теплотой потряс их лапы, пританцовывая, обошел вокруг них:

– Как это здорово! Я как раз собирался послать за вами лодку, Крысик! Я бы строго приказал немедленно доставить

вас сюда, чем бы вы ни были заняты, и где бы ни находились. Страшно рад видеть вас обоих! Ну, что же мы стоим? Немедленно пойдемте в дом и хорошо это отметим! Вы даже не представляете, какое счастье, что вы явились именно сейчас!

– Позвольте нам немного посидеть, Жаб! – опускаясь в кресло, сказал Крыс, в то время как Крот, заняв другое кресло, поспешил сделать несколько вежливых замечаний относительно «восхитительной резиденции» Жаба.

– Самый красивый дом на реке! – бурно подхватил Жаб. – Да и не только на реке, а вообще.

Крыс слегка подтолкнул Крота локтем. Незадачливый Жаб заметил это движение и мигом стал пунцовым. Прошла минута тягостного молчания.

– Ладно, Крысик, – заговорил Жаб. – Вы уже знаете мои слабости. Хотя это и в самом деле не такой уж плохой дом, правда? Ведь он и вам самому нравится? Ладно, оставим ненужные разговоры и перейдем прямо к делу. Вы как раз те животные, которые мне так необходимы. Вы должны мне помочь. И сделать это нужно прямо теперь!

– Речь пойдет о вашей гребле, я так полагаю, – напуская наивное выражение, спросил Крыс. – В этом деле вы добились довольно больших успехов, хотя все-таки еще сильно брызгаетесь. Но при известной доле терпения и при хорошей тренировке вы могли бы...

– Тьфу ты! Гребля! – с явным неудовольствием перебил

его Жаб. – Глупое занятие для молокососов! Я уже давно ее забросил. Бесплезная трата времени – вот, что это такое. Мне искренне жаль вас, ребята, вы столь нелепым образом растрчиваете энергию. Нет, я открыл для себя единственное стоящее в этой жизни дело. Я посвящу ему остаток всех своих сил и могу только сожалеть о попусту растрченных годах... так тривиально промотанных... Пойдемте со мной, дорогой Крысик! И ваш любезный друг тоже, если он будет так добр ...пойдемте к загону для беговых лошадей, и вы увидите... что вы там увидите!

С самым загадочным видом он потащил их мимо каретника, вывел на открытое место... И тут они увидели выкрашенный в канареечно-желтый цвет с красными и зелеными полосами, сверкающий новизной цыганский фургон.

– Вот! – расставив ноги и выпятив грудь, закричал Жаб. – Вот это и есть та самая впечатляющая жизнь! Открытая дорога, пыльный большак, здоровье, пустыри, ночевки на свежем воздухе! Деревни, столицы, просто города! Сегодня здесь, завтра – еще где-то. Перемены, впечатления! Весь свет открыт перед вами! Новые и новые горизонты! И обратите внимание! Это – лучшая из всех телег. Лучше всех без исключения! В ней продумано все не кем-то, а мной самим!

В крайней заинтересованности и в волнении Крот последовал за Жабом по ступенькам, а Крыс, фырча и засунув руки поглубже в карманы, остался на месте.

Все и вправду было устроено с комфортом. Маленькие ко-

ечки, маленький, откидывающийся от стены стол, кухонная печь, шкафчики, книжные полки, птичья клетка с птичкой внутри, котелки, сковородки, кувшины и чайники всех размеров и всех фасонов.

– Абсолютно все, – ликуя, провозгласил Жаб и отворил дверцу шкафа. – Смотрите: бисквиты, консервированные омары, сардины – все, что заблагорассудится... содовая вода здесь... табачок там... Почтовая бумага, бекон, джем, карты и домино! Вы увидите, – проговорил он, спускаясь, – вы сами увидите, что здесь не забыто ничего... когда мы вместе отправимся в путь... сегодня же после полудня...

– Простите, – покусывая соломинку, медленно заговорил Крыс, – но мне показалось, я услышал что-то насчет «мы», «отправимся» и еще «после полудня».

– Дорогой вы наш старый Крыс! – умоляюще воскликнул Жаб. – Пожалуйста, не надо в таком тоне, потому что вы хорошо знаете, что тоже поедете с нами. Я не смогу там управиться без вас, и потому считаем этот вопрос решенным, и не надо спорить. Это единственное, на чем я настаиваю. Вы и действительно уже не сознаете, что приклеились к этой затхлой реке и знаете лишь свою нору, берег и лодку. А я хочу открыть вам весь мир! Я намерен сделать из вас настоящее животное, мой мальчик!

– Мне безразлично, что вы намерены из меня сделать, – упрямо стоял на своем Крыс. – Я никуда не собираюсь ехать, и это категорически. Напротив, я намерен опять приклеить-

ся к своей реке, норе, лодке и жить так, как жил до сих пор. Мало того, я уверен, что и Крот приклеится ко мне и будет делать то же, что и я. Вы согласны со мной, Крот?

– Да, конечно, – отвечал верный Крот. – Я всегда буду вместе с вами, и как вы скажете, так все и будет... так и должно быть... или, лучше сказать, так может быть... это звучит более мягко, что ли...

Бедный Крот! Приключенческая жизнь его так и манила. Вторично представший перед ним новый образ так искушал! С первого взгляда он полюбил и канареечный фургон, и всю его очень уютную обстановку.

Крыс смекнул, что происходит в душе друга и обеспокоился. Он терпеть не мог разочарованный народ, а, кроме того, успел к Кроту привязаться и был готов для него почти на все.

Жаб внимательно наблюдал за обоими.

– А теперь завтракать, – дипломатично предложил он. – Там и продолжим разговор. Никогда и ничего не следует решать в спешке. Конечно, я не собираюсь брать вас под свою опеку. Ребята, я ведь только хотел доставить вам удовольствие. «Жить для других!» – мой девиз.

Во время завтрака (который был исключительным, потому что в Жаб Холле всегда имелось все, что пожелаешь, и в любом количестве) Жаб позволил себе пойти дальше. Не обращая внимания на Крыса, он играл на неопытности Крота, словно на арфе. /Как и всякое многоречивое животное,

всегда находящееся в плену своих же фантазий, он рисовал картины путешествия и радости привольной жизни в таких ярчайших пламенных красках, что Крот едва мог усидеть на стуле. Непроизвольно вышло так, что все уже втроем, начали считать путешествие решенным. А Крыс, внутри еще колеблясь, решил-таки довериться доброй своей душе и пренебречь сомнениями. Ему не представлялось возможным огорчить двух своих друзей, которые углубившись в проекты и предвкушая прелести будущего, расписывали занятия для каждого дня на много недель вперед.

Когда принятое решение устоялось, торжествующий Жаб повел приятелей на выгон и поручил им поймать старого серого жеребца, который к великой досаде и без всяких с ним консультаций был приговорен Жабом к самой грязной работе в этой пыльной экспедиции. Конь совершенно искренне предпочитал выгон и потому без боя сдаваться не собирался. Жаб тем временем усиленно паковал шкафы. Он развесил торбу для лошади, сетки с луком, пучки сена и разные корзинки, валявшиеся на дне телеги. Конь, наконец, был пойман, впряжен, и ничего не оставалось, как трогаться. Кто-то отправился пешком рядом с телегой, кто-то уселся на оглоблю – кому как заблагорассудится.

Стоял золотой полдень. Запах пыли был терпким и пряным. По обе стороны дороги благоухали сады. Птицы их окликали и одобрительно посвистывали. Некоторые путники, встречаясь, говорили «добрый день», а другие останав-

ливались, чтобы перекинуться несколькими словами об их прекрасной телеге. И даже кролики, сидевшие у калиток, восхищенно указывали на них передними лапами.

Поздним вечером за несколько миль от дома усталые, но счастливые, они устроились на уединенном участке, отпустили коня свободно попасться, и, сидя прямо на траве у фургона, съели свой незатейливый ужин. Жаб при этом очень много говорил о том, что намечается на следующий день, а высыпавшие на небо звезды и неизвестно откуда взявшаяся желтая луна внимательно его слушали. Наконец, они отправилась по своим койкам, и Жаб, сонно сбросив туфли, произнес:

– Ну, спокойной ночи, ребята! Это и есть настоящая жизнь для джентльмена! Стоит ли после этого говорить о вашей реке?!

– А я и не стану говорить о моей реке, – не сдержался терпеливый Крыс. – Вы это знаете, Жаб. Я о ней только думаю, – прибавил он с чувством, – Я все время... о ней... думаю!

Высунувшись из-под одеяла, Крот, в темноте отыскивал лапу Крыса.

– Я сделаю все, что вы захотите, Крысик. – зашептал он. – Давайте завтра же утром отсюда уйдем... рано утром... очень рано... и вернемся в нашу дорогую старую нору у реки.

– Нет, нет, мы все доведем до конца, – так же шепотом ответил ему Крыс. – Благодарю вас сердечно, но я обязан приглядеть за Жабом, пока все не кончится. Его небезопасно

оставлять одного. Тем более, что наше путешествие на долго не затянется. Прихоти его довольно капризны. Спокойной ночи!

И конец действительно, настал очень скоро. Даже скорее, чем предвидел сам Крыс.

После предшествующего возбуждения и огромной дозы свежего воздуха Жаб спал очень крепко. Наутро у двух товарищей не хватило сил, чтобы его добудиться. И тогда Крот и Крыс спокойно и мужественно взялись за дело сами. Крыс приглядел за лошадью, разжег огонь, вымыл вчерашние чашки и тарелки, приготовил все для завтрака. Крот успел сходить в довольно неблизкую деревню за молоком, яйцами и еще кое-какими продуктами, которые все же оказались забытыми. Когда тяжелая работа была сделана, и оба животных уселись передохнуть, появился Жаб. Вид его был свежим и бодрым. Он весело на них взглянул и с удовольствием отметил вслух, какую легкую и беззаботную жизнь они здесь ведут, и это после всех домашних хлопот.

В тот день прогулка их была не менее приятной. они пересекали пологие холмы, ехали по балочкам. Между ними остановились и на ночь, как в предыдущий раз, в уединении. Только теперь, в отличие от прошлого, двое приглашенных сами выбирали время с учетом того, чтобы Жаб совершенно честно мог выполнить свою долю работы. И на следующее утро он не был уже так восторженно настроен, поскольку как ни пытался продолжить свой утренний сон, был решительно

стянут с постели.

Как и до сих пор, путь их лежал через сельскую местность. Дороги были кривыми и узкими. И потому они чрезвычайно обрадовались, когда к полудню, наконец, выехали на настоящую большую дорогу. Первую большую дорогу! Обрушившую на них столь непредвиденное, столь значительное несчастье и совершенно поглотившую своим эффектом беднягу Жаба.

Они легко катили по наезженному пути. Крот шел у головы коня и радушно с ним беседовал. Конь жаловался, что насильно втянут в это предприятие и что никто не обращает на него внимания, и с ним не считаются. Жаб и Водяной Крыс шли позади телеги, разговаривая между собой. Вообще-то говорил один Жаб. Крыс в промежутках вставлял: «Вот именно. А что ж вы ему сказали?» Думал он совсем о другом. Но тут далеко позади послышался настырный звук, напомнивший собой жужжание пчелы. Они оглянулись и заметили маленькое облако с темной точкой в середине. Облако с невероятной скоростью на них надвигалось, и, взывая, словно потревоженное болью животное, временами издавало: «пип-пип». Плохо соображая, что это значит, оба приятеля вернулись к прерванному разговору. Однако мирная сцена в один момент была нарушена – шквал ветра заставил их разом спрыгнуть в кювет. «Пип-пип» – снова с наглым упорством прозвучало в ушах! Они едва успели бросить взгляд на то, что с блеском промелькнуло мимо них... на дорогой

сафьян, на обнимавшего штурвал лоцмана, способного, казалось, в долю секунды овладевать землей и небом. Потом они опять нырнули в столь же темное облако, которое еще раз прожужжав, превратило себя в далекую точку.

Грезя о спокойном выгоне, старый конь между тем лениво брел вдоль дороги. Оказавшись в столь необычной для него ситуации, он получил, наконец, моральное право дать волю природной своей горячности. Встав на дыбы, и бросаясь вперед, он сумел-таки, несмотря на все усилия Крота, развернуть телегу к ближайшей канаве. Повозка заколебалась... раздался душераздирающий треск... и их канареечно окрашенный фургон... их гордость, их краса, рухнул в канаву, превратив себя в неисправимую развалину.

Крыс в отчаянии так и запрыгал по дороге. Он не мог прийти в себя от досады. Потрясая обоим кулаками, он кричал: «Негодяи! Разбойники! Лихачи проклятые! Подождите, я найду на вас управу! Я сообщу куда следует! Я вас по судам затаскаю!». Грусть его по родному дому мигом улетучилась. Он мгновенно превратился в шкипера канареечно-желтого судна, посаженного на мель беспечными жокеями-матросами. Он пытался припомнить все самые яркие, самые цветистые выражения, какие употреблялись им в свое время по адресу владельцев моторных лодок, проходивших слишком близко от берега и заливавших ковер в его кабинете.

Жаб уселся прямо в пыли. Вытянув перед собой ноги, он безотрывно смотрел в ту сторону, где исчезла злонравная

точка. Он часто дышал, на лице его было разлито безмятежное выражение, временам из уст доносилось слабое «пип-пип».

Крот пытался успокоить коня, и спустя какое-то время это ему удалось. Потом он отправился взглянуть на телегу. Вид у нее был плачевным: окна выбиты, оси безнадежно погнуты, одно колесо отвалилось... всюду разбросаны банки с сардинами, в клетке жалобно рыдает и просится на волю птичка.

Крыс приблизился к своему другу, но их объединенных усилий явно не хватало.

– Эй, Жаб! – закричали они. – Иди на помощь!

Не сказав ни слова в ответ, Жаб даже с места не сдвинулся. И тогда им захотелось посмотреть на него в упор и поинтересоваться, что же с ним случилось. Они нашли его в глубочайшем трансе, счастливая улыбка плавала по его безмолвным губам, глаза по-прежнему смотрели на пыльный след, принесший им разруху и горе. Временами он все еще бормотал: «Пип-пип».

Крыс потряс его за плечо.

– Вы помогать нам думаете?

– Сколько великолепия, – прошептал тот, не делая и попытки шевельнуться. – Это поэзия движения! Вот он настоящий способ путешествовать! И он единственный! Сегодня здесь... для других неделя... а ты завтра... мелькают деревни, города, проносятся столицы – всегда впереди что-то новенькое! О, какое блаженство! О, пип-пип!

– Не будьте ослом, Жаб! – гневно взвыл Крыс.

– И подумать только, о нем я не знал! – в беспамятстве продолжал Жаб. – Не знал все эти заполненные пустотой, оставшиеся позади долгие годы. И не догадывался, и не подзревал! Но теперь... теперь-то я все по-настоящему понимаю! О, какое блестящее тут будущее! О, какие облака пыли понесутся за мной... когда помчусь куда-нибудь со всей его безрассудной скоростью! Сколько фургонов на своем пути я смогу опрокинуть! Жалких и маленьких пошлых телег... канареечно-желтых!

– Что с ним будем делать? – спросил Крот у Водяного Крыса.

– Решительно ничего, – твердо ответил Крыс. – Потому что здесь уже решительно ничто не поможет. Видите ли, я знаю его очень давно. Сейчас он одержим. У него мания. Она полностью им овладела, и он находится в своей обычной первой стадии. Теперь на несколько дней он абсолютно конченное животное. Не обращайтесь больше на него внимания. Давайте лучше пойдем и посмотрим, что можно сделать с телегой.

Тщательный осмотр показал им, что при всем старании путешествие на этом виде транспорта все-таки невозможно. Оси были в удручающем состоянии, отвалившееся колесо расколосось на части. Тогда Крыс связал вожжи и, держась за них, направил коня вперед. В другую руку он взял клетку с ее истеричной владелицей.

– Пойдемте! – мрачно сказал он Кроту. – До ближайшего города миль пять-шесть. Чем скорее выйдем, тем лучше.

– А как же с Жабом? – с тревогой спросил Крот. – Не можем же мы оставить его одного в таком расстроенном состоянии. Это опасно. Что если здесь опять проедет какая-нибудь штука?

– Черт с ним, с Жабом, – сурово проговорил Крыс. – Я с ним тоже покончил!

Не успели они как следует отойти, как позади раздался дробный топот. Это бежал Жаб. Он догнал их и, растолкав локтями, протиснулся между ними. Дыхание его по-прежнему было тяжелым, глаза выпучены.

– Послушайте, Жаб, – решительно сказал Крыс, – как только мы попадем в город, вы немедленно должны пойти в полицейский участок, узнать, не известно ли им что-нибудь об автомобиле, о том, кому он принадлежит, и, не откладывая, подать на владельца жалобу. А потом вам следует обратиться к кузнецу или к колесному мастеру и договориться, чтобы телега была исправлена, приведена в порядок и отлажена. Все это, конечно, будет стоить времени, однако дело, я думаю, поправимо. Ну, а мы с Кротом найдем гостиницу, подыщем в ней удобные комнаты, где мы и проживем, пока не будет исправлен ваш фургон, и не восстановятся ваши нервы.

– Полицейский участок! Жалобу! – глядя куда-то в пустоту, бормотал Жаб. – Жаловаться на это чудо, на это незем-

ное видение! Чинить телегу? Но я покончил с телегами раз и навсегда! Я больше не хочу ни говорить о телегах, ни о них слышать! О, Крысик! Вы даже не представляете себе, как я обязан вам за ваше согласие принять участие в этой поездке! Я ни за что не отправился бы без вас, и тогда я не наткнулся бы на эту прелесть, на этот солнечный луч, на эту молнию! Я бы никогда не узнал этого восхитительного звука! Я бы не вдохнул его чарующего колдовского запаха! Всем этим я обязан вам, друзья мои!

Крыс брезгливо от него отвернулся.

– Видите, что с ним творится? – сказал он, обращаясь к Кроту и глядя на него поверх головы Жаба. – Он безнадежен. Оставим это. Когда мы попадем в город, надо будет отыскать железнодорожную станцию и, если повезет, сесть на поезд, который сегодня же вечером снова доставит нас к берегу реки. И пусть меня, хоть разок еще спровоцирует это животное! – вздохнув, заключил он, и в течение остатка их утомительного пути разговаривал уже только с Кротом.

В городе они довольно скоро нашли станцию, устроили Жаба во второразрядный зал ожидания и, заплатив два пенса портье, наказали ему не спускать с него глаз. Затем определили лошадь в конюшню при гостинице и, как могли, позаботились о судьбе телеги с ее содержимым. А когда неторопливый поезд доставил их поздно вечером к станции недалеко от Жаб Холла, они проводили засыпавшего на ходу изменника до самых ворот, сдали его на попечение экономке,

поручив ей хорошенько его накормить, раздеть и уложить спать, забрали свою лодку и, к великому удовольствию Крыса, в очень поздний час уселись ужинать в собственной уютной и скромной столовой.

На следующий вечер Крот, который встал очень поздно и занимался весь день только самыми простыми делами, сидел на берегу реки и удил рыбу. Крыс, ходивший навестить друзей, чтобы обменяться новостями, возвращаясь, остановился рядом.

– Слышали новость? – спросил он. – Все только и говорят об этом, весь берег. Сегодня утром Жаб выехал в город первым же поездом. И уже успел распорядиться относительно большого и очень дорогого автомобиля.

III. Дикий лес

Крот давно хотел познакомиться с Барсуком. По всем признакам Барсук представлялся ему выдающейся личностью. И хотя тот чрезвычайно редко показывался, незримое влияние его ощущалось повсюду. Однако каждый раз, как Крот упоминал о своем желании Водяному Крысу, его друг неизменно находил способ отговориться. «Ладно, – мог сказать, например, Крыс. – Барсук объявится на днях... он всегда объявляется внезапно... и тогда я ему вас представлю. Он отличный парень. Только его надо принимать таким, каков он есть... каким бы он вам ни показался.»

– А не могли бы вы пригласить его сюда... на обед или на что-нибудь такое? – спрашивал Крот.

– Он не придет, – просто отвечал ему Крыс. – Барсук ненавидит общество, приглашения, обеды и другие подобные вещи.

– А что, если... что, если мы сами пойдем и его навестим, – предлагал Крот.

– О, я уверен, это ему вовсе не понравится, – очень напряженно говорил Крыс. – Он такой застенчивый. Думаю, он обидится. Я никогда не отваживался его навещать, хотя и знаком с ним довольно близко. Да и потом мы не сможем. Это совсем не подходит для нас – ведь он живет в самой глубине Дикого Леса.

– Ну, пусть он такой, – возражал Крот. – Но ведь вы мне рассказывали, что Дикий Лес очень хороший, вы помните?

– Да, да, я помню, все это верно, – уклончиво отвечал Крыс. – Но я так думаю... не пойдем же мы туда прямо сейчас? Да и потом когда-нибудь вряд ли. Это длинный путь. И Барсука в это время года может не оказаться дома. Когда-то он выйдет сюда сам. Лучше спокойно подождите.

Крот, конечно, должен был этим удовлетвориться. И, хотя Барсук все еще не появлялся, каждый день приносил им что-нибудь новое. И так было до тех пор, пока лето не кончилось, холод, мороз и вымокшие дороги не заставили их засесть дома, а разбухшая от ливней река не потекла мимо их окон со скоростью, которая потешалась над такими занятиями, как катание в лодке. И именно тогда мысли Крота с еще большим упорством повернули к одинокому серому Барсуку, живущему в самой гуще Дикого Леса.

В зимнее время Крыс очень много спал: ложился рано, вставал поздно, в течение короткого дня иногда второпях сочинял стихи или делал какую-нибудь другую мелкую работу по дому. И, конечно же, очень часто к нему заходили поболтать разные животные, и, следовательно, здесь было немало рассказов и воспоминаний о минувшем лете и о его прелестях.

Что за богатые главы это были! Стоило только оглянуться! С какими иллюстрациям, с какими красками! Пышность речного берега неизменно проявляла себя в ярких картинах,

которые величавой процессией следовали одна за другой. Раньше других прибывала обычно белоснежная ветреница. Тряся своими буйными кудрями, она подолгу останавливалась у зеркала, откуда улыбалось ей ее отображение. Иванчай, нежный и задумчивый, как розовое облачко на закате, немедля, следовал за ней. Окопник пурпурный рука об руку с заболонью торопился занять в их ряду свое место. И, наконец, одним утром виноватая и опоздавшая через порог деликатно шагала роза, и тогда всем казалось, что вместе с нею прибыл сам Июнь, и звучащая здесь струнная музыка сливалась в старинном гавоте. Ожидали еще одного члена компании – мальчика-пастушка, рыцаря, которого дамы высматривают в окошко. Принца, который должен поцеловать спящее лето и вернуть его к жизни. Но когда появлялся грациозный благоухающий лабазник в своем душистом янтарном кафтане, то игра начиналась.

Ну, и игра была это! Сонные животные удобно устраивались в своих норах, в то время как в двери их барабанили дождь и ветер. Вспоминали ранние утра, часы перед восходом солнца, когда белый туман еще цепко держится за поверхность воды. Вспоминались потрясения от первого нырка, бег по берегу, лучистые изменения и земли, и воздуха, и реки, когда солнышко уже выглянуло, и то, что до этого было безжизненно серым, начинало казаться сначала золотым, чтобы заново родиться в красках. Вспоминали утомительную полуденную жару, когда все они прятались в глубин-

ке зеленых подлесков. Вспоминали катание на лодке, купания, прогулки по пыльным и длинным тропинкам уже на закате. Вспоминались и долгие прохладные вечера, когда, наконец, обходили друзей, чтобы осмыслить прожитое и спланировать что-нибудь на завтра.

Очень много велось разговоров этими короткими зимними днями. И все-таки у Крота оставалось еще немало свободного времени. Крыс у огня в своем кресле попеременно то дремал, то пробовал рифмы, которые почему-то не давались. И, наверное, от незанятости у Крота и созрело желание самостоятельно обследовать Дикий Лес и свести знакомство с тревожившим воображение мистером Барсуком.

Он выскользнул из теплой гостиной, и его встретил холодный неприветливый полдень. Деревья были обнажены. И он невольно подумал, что никогда еще не проникал в подобную глубь вещей, потому как Природа, готовясь к привычной зимней спячке, успела сбросить все свои наряды. Рощицы, лощинки, покрытые листвой, разоблачили себя и свои сокровенные тайны. Они, казалось, молили его отвести глаза, не разглядывать оборванную их нищету. А подождать до тех пор, пока они опять не предстанут в летнем маскараде и снова не обведут его своими уловками. Да, да, Природа была не в лучшем состоянии, и все-таки она бодрила... веселила. Он любил ее и без прикрас, и декораций. Он разглядел ее всю, вплоть до скелета, и она показалась ему здоровой и сильной. Ему не хотелось здесь видеть ни теплого клевера,

ни шелеста трав, ни зеленых живых изгородей. Буки и вяза без вздымавшейся драпировки выглядели куда привлекательней. И в приподнятом настроении он поспешил вперед по направлению к Дикому Лесу, который раскинулся посреди знакомых мест, будто огромный черный риф в ласковом южном море.

Вначале все было спокойно. Прутья трещали под ногами, чурбаны, шутя, подставляли подножки, а грибные наросты на пнях поражали его своим удивительным сходством с некоторыми знакомыми и походили на их карикатуры. Все это смешило, возбуждало, завлекало все дальше и дальше, а вскоре он попал туда, где света стало мало, а стволы сплелись между собой очень тесно.

Как и всюду, здесь была тишина. Между тем надвинулись сумерки, а свет стал утекать куда-то, будто вода из шлюза.

И тут начались лица.

Одно всплыло у него за плечами. Было оно неясным и размытым. Показалось, что маленькое заостренное книзу лицо, выглядывает из норки. Он повернулся, чтобы смело с ним встретиться, но оно исчезло.

Он ускорил шаги, убеждая себя не воображать глупостей: всем известно, что в густом лесу можно вообразить многое. Он миновал еще одну нору, еще одну, еще одну, и снова... да?! ... нет?!.. да! – маленькое лицо, сверкнуло на миг жесткими своими глазами и поспешило скрыться. Он заколебался... Продолжая путь, с трудом взял себя в руки... А затем

обнаружил вдруг, что в каждой дыре, а вокруг их сотни... мелькает все то же клинообразное лицо, и смотрится оно весьма недружелюбно.

Если уйти от дыр – пришло ему в голову – лиц не станет. Он свернул с тропы и направился в бурелом.

И тогда начались свисты.

Вначале это возникло где-то далеко позади, но это насто-рожило и заставило ринуться вперед. Затем, непонятный и пронзительный, свист прозвучал впереди и вынудил заколе-баться. Остановился... а тот прозвучал сразу с обеих сторон, а после был подхвачен и продолжен повсюду. Как ни возьми, но свист тревожил! А он... он был один... безоружен, бес-помощен, к тому же спускается темень.

Потом начался топот...

Крот подумал, что это шуршит листва – таким слабым и тихим был звук. Но звук усилился, приобрел ритмичность, и Крот догадался, что было это не что иное, как «топ-топ-топ!» Впереди оно или сзади? Вначале почудилось впереди, потом – сзади, потом – и то, и другое вместе. Это слышно со всех сторон. Крот замер, ему пришла мысль, что все обо-рвется как раз на нем. Внезапно, хрипло дыша, мимо него промчал кролик. Крот подождал, полагая, что все может как-нибудь ослабеть или куда-нибудь отклониться. Но вместо то-го какое-то мрачное животное с немигающим взглядом по-чти отбросило его в сторону и ринулось дальше. «Убирайся отсюда, дурак, убирайся!» – услышал он, едва оббежав под-

вернувшийся пень и сунувшись в какую-то норку.

Топот усилился. Теперь он напоминал зачастивший по лиственному ковру неизвестно откуда взявшийся град. Казалось, бежал весь лес, бежал тяжело, в погоню за чем-то или... за кем-то? В панике Крот тоже рванул, рванул, даже не зная куда, бесцельно. Поднимаясь, цеплялся за что-то, обо что-то спотыкаясь, падал, пробежал мимо чего-то и сквозь что-то, от чего-то увертывался. Наконец, ему повезло, он наткнулся на старое дерево с глубоким дуплом, которое обещало укрытие и... возможно, даже безопасность? Во всяком случае он слишком устал. Бежать дальше он все равно бы не смог. В надежде на спасение ему оставалось только прикорннуть там на сухих наметенных ветром листьях. Подрагивая, слушая свисты и шорохи снаружи, он только теперь начинал понимать весь ужас, какой ожидает в лесу маленьких обитателей полей и кустарников. Он познавал все темные моменты, от которых так безуспешно, так старательно уберегал его Крыс – Страх перед Диким Лесом!

Между тем Крыс в тепле и уюте дремал у огня. Листок, наполовину исписанный стихами, скользнул с его колен на пол, голова откинулась назад, рот приоткрылся. Ему грезились зеленые солнечные берега сказочных рек. Красный уголек в камине неожиданно раскололся, вспыхнул, бросив вверх струйку пламени, а Крыс вздрогнул и проснулся. Припомнив, чем был занят до сих пор, он рассеянно наклонился. С минутку сосредоточенно изучал свой листок, затем оглянул-

ся в поисках Крота, чтобы поинтересоваться, не знает ли тот хорошей рифмы.

Крота не было...

Он прислушался. В доме словно вымерло. Он позвал несколько раз: «Крот! Крот!» и, не получив ответа, встал и пошел в переднюю.

Шапки Крота на вешалке не оказалось. Галоши его, которые всегда стояли рядом с подставкой для зонтиков, тоже исчезли.

Крыс вышел на крыльцо и принялся тщательно отыскивать следы. Они, действительно, отпечатались на земле и довольно четко. Галоши были новыми, только что купленными к зиме, пупырышки на подошвах еще не успели стереться. Это они, именно эти отпечатки вели напрямиком к Дикому Лесу.

Крыс моментально сделался очень серьезным, на миг, на другой впал в задумчивость. Затем снова вошел в дом, одел кожаный пояс, сунул /за него пару пистолетов, взял в руки крепкую дубинку, которая всегда стояла в углу их прихожей, и скорым шагом отправился выручать друга.

Когда была достигнута опушка леса, сумерки окончательно сгустились. В поисках хоть какого знака пребывания беглеца Крыс сосредоточенно оглядывался по сторонам. Маленькие неприятные лица назойливо появлялись со всех сторон, но при виде доблестного животного, пистолетов и дубинки мгновенно исчезали. Топот и свист, которые нача-

лись, едва он вошел в чашу, постепенно затихли где-то вдали и прекратились. Крыс решительно обошел все тропки, затем оставил их и с трудом стал продираться в заросли. Где бы он ни был, повсюду бодро выкрикивал: «Крот, Крот, Крот! Где вы? Это я... это старый Крыс!»

Он терпеливо искал его еще час или два и, уже отчаявшись, к радости своей, неожиданно услышал ответный слабый крик. Ориентируясь по звуку, направился через сгустившуюся тьму к основанию букового дерева с дуплом, откуда послышался дрожащий голос: "Крысик! Это и правда вы?"

Крыс пробрался в дупло и обнаружил здесь своего друга, очень измученного и все еще трясущегося.

– О, Крыс, – заплакал тот, – я так напугался, вы не можете себе представить!

– Я все понимаю, – успокоил его Крыс. – Вы не должны были этого делать, Крот. Я предпринимал все, чтобы уберечь вас от этого. Мы, речные жители, очень редко ходим сюда поодиночке. Если уж необходимо сюда пойти, то, по крайней мере, ходим парами. Тогда, как правило, все нормально. Но, помимо этого, существуют еще сотни вещей, о которых знаем мы, и о которых вы даже не подозреваете. Я имею в виду пароли, знаки, слова, растения, которые обладают силой и которые вы носите в своих карманах, стихи, наконец, которые вы повторяете... увертки и трюки, которыми владеете. Все это довольно несложно, когда это усвоишь, и все это вы просто обязаны знать если вы маленький. Иначе – беда.

Конечно, если бы вы были Барсуком или Выдром, тогда – другое дело.

– Наверное, и храбрый мистер Жаб тоже без опаски здесь гуляет, так ведь? – спросил Крот.

– Старый Жаб?! – удивленно взглянул на него Крыс и от души рассмеялся. – Жаб и носа сюда не сунет. Заплати ему хоть целую паршивую золотую гинею, он не посмеет этого сделать.

Смех товарища ободрил Крота. Так же успокоительно подействовали блестящие пистолеты и палка. Крот перестал трястись, сделался немного смелее и больше походил на себя прежнего.

– Ну, а теперь, – проговорил Крыс, – теперь мы должны отсюда вылезти и пойти домой, пока еще хоть что-то видно. Никогда не следует оставаться в лесу на ночь, запомните. И, прежде всего, потому что здесь холодно.

– Дорогой Крысик, – едва промолвил Крот. – Я страшно сожалею, но я смертельно устал, и с этим ничего не поделаешь. Вы должны мне позволить, хоть немножечко отдохнуть... чтобы ко мне вернулись силы... чтобы я смог добраться до дома.

– Ладно, – покладисто кивнул Крыс. – Отдыхайте. Все равно скоро окончательно стемнеет, и нам нужно ждать, пока выйдет луна.

Крот зарылся в сухие листья, вытянулся и вскоре забылся беспокойным сном. В это время Крыс укутался потеплее и,

сжимаемая пистолет в лапе, стал терпеливо ждать. Когда, наконец, отдохнувший Крот пробудился, Крыс сказал:

– Ну, пора. Я только выгляну и проверю, все ли в порядке.

Он пробрался к выходу, высунул голову наружу, и Крот услышал, как тот проговорил себе под нос:

– Вес-с-селенькие дела!

– Что там происходит, Крысик?

– Снег тут происходит, – кратко отвечал Крыс. – Вернее не происходит, а уже произошел.

Крот, согнувшись, посмотрел из-под плеча друга. Лес, который прежде так его напугал, предстал теперь перед ним совершенно в другом виде. Норы, дупла, и впадины – все неизвестно куда пропало. А внезапно появившийся волшебный ковер выглядел так славно и так нежно, что его неловко было бы топтать ногами. Летящая в воздухе искрящаяся пудра ласкала щеки, а черные стволы, дивно выделявшиеся на фоне этой ослепительной белизны, казались снизу подсвеченными.

– Ну, что ж, делать нечего, – после минутного раздумья сказал Крыс. – Надо отправляться и использовать все шансы. Хуже всего, что я не могу сказать точно, где мы находимся. Этот снег сделал все неузнаваемым.

Все и вправду было именно так. Крот никак не мог поверить, что это все тот же лес. Однако, уже не мешкая, они вылезли из дупла и храбро взяли то направление, которое показалось им наиболее подходящим. Они блуждали по лесу

и с непобедимой веселостью старались уверить себя в том, что узнают старого знакомого в каждом молча приветствовавшем их дереве, в каждой прогалинке или ямке. Но упорно белое однообразное пространство все-таки отказывалось им подчиняться.

Час или два спустя (они совсем потеряли счет времени) удрученные, усталые и растерянные они уселись на сваленное дерево, чтобы попытаться хоть немножко восстановить силы и решить, что предпринимать дальше. Тела их ныли от усталости, неприятно болели синяки – они не раз падали в занесенные снегом ямы и насквозь промокли. К тому же и сугробы стали глубокими, с трудом они вытаскивали из них свои маленькие заочневшие ноги. Деревья, как назло, походили друг на друга и, как назло, росли очень густо. Похоже, у этого леса не было ни начала, ни конца, и, что особенно беспокоило их, не было из него выхода.

– Мы не должны слишком долго сидеть, – сказал Крыс. – Нужно восстановить дыхание и что-нибудь предпринять: то или другое. Сидеть нельзя – холод усиливается, и сугробы становятся выше.

Он внимательно всмотрелся куда-то вдаль и что-то прикинул.

– Послушайте, – продолжал он. – Я придумал. Вон там внизу перед нами – лесная лощинка, вся в бугорках и в холмиках. Давайте туда пойдём и попытаемся отыскать какое-нибудь убежище: пещеру или нору, где был бы сухой

пол, и куда не залетал бы снег, и не задувал ветер. Прежде, чем двинуться дальше, нам следует хорошенько передохнуть, мы оба полумертвые. А за это время и метель может уняться, или еще что-нибудь переменится.

Они опять встали и, отводя сухие ветви, начали продираться в лощину. Исследуя один участок за другим, приблизились к какому-то бугру. И здесь Крот неожиданно обо что-то споткнулся и рухнул лицом вниз.

– О, моя нога! – закричал он. – О, моя голень!

Он уселся на снег и обеими лапами сжал ногу.

– Бедный старый Крот! – ласково сказал Крыс. – Вам не очень-то сегодня везет, правда? Позвольте мне взглянуть на вашу рану.

– Да-а, – продолжил он, опустившись на корточки. – Вы порезали голень. Позвольте, я доберусь сейчас до платка и перевяжу ее вам.

– Я, должно быть, споткнулся о припорошенную ветку или о корень, – проговорил удрученный Крот. – Ой-ой-ой!

– Это – слишком глубокий порез, – внимательно осмотрев рану, сказал Крыс. – Он выглядит так, будто сделан чем-то острым, металлическим. Странно! – размышляя, он исследовал взглядом все горбы и откосы.

– Ну, какое значение имеет то, чем сделан этот порез? – не помня себя от боли, ворчал Крот. – Он заставляет меня страдать независимо от того, чем он сделан.

Крыс перевязал рану платком и, не обращая внимания на

больного, начал копать в снегу как раз там, где тот споткнулся. Он скреб, сгребал снег и снова скреб. Нетерпеливо поглядывая по сторонам, Крот недовольно хныкал: «О, хватит уже, Крыс. Пойдемте дальше!»

Внезапно подпрыгнув от радости, Крыс закричал. «Ура!» – и потом: «Ур-ау-ау-ау-ау!» – и принялся отплясывать на снегу огненную джигу.

Потирая больное место, Крот вяло поинтересовался:

– Что вы там нашли, Крысик?

– Идите и сами полюбуйтесь! – в восторге предложил Крыс, продолжив свой дикий танец.

Крот с трудом проковылял к другу и внимательно взглянул на раскопки.

– Ну, – сказал он неторопливо, – я все вижу, и вижу довольно ясно. В этом нет ничего необыкновенного. Это обычный скребок для чистки обуви. Чему так радоваться? Отчего вы, как сумасшедший, около него пляшете?

– Но разве вы не понимаете, что все это значит, вы... вы... тупоумное животное? – нетерпеливо воскликнул Крыс.

– Ну, конечно же, я знаю, что это значит, – ответил Крот. – Это – обыкновенная скоба, которая ставится перед дверью. Какой-то небрежный вахлак бросил ее здесь, в гуще Дикого Леса, чтобы кто-то о нее споткнулся. Очень бездумно с его стороны, вот как я все это вижу. Когда вернусь домой, непременно пожалуюсь, и посмотрим, как это ему простится!

– О, дорогой, дорогой, – в отчаянии от бестолковости за-

причитал Крыс. – Хватит разговоров, идите и ройте!

И он опять приступил к работе, да так рьяно, что снег полетел от него во все стороны. Вскоре его усилия были вознаграждены: он откопал потертый коврик.

– Ну, что я вам говорил?! – победно провозгласил Крыс.

– А что, собственно говоря, тут случилось? – искренне удивился Крот. – Ну, я вижу, – продолжал он, – вы, кажется, нашли еще один изношенный и кинутый предмет домашнего обихода. Как погляжу, вы очень счастливы. Так пойдите и отпляшите свою джигу, если вы считаете, что со всеми трудностями покончено. А уже потом мы продолжим свой путь и, надеюсь, впредь не будем терять времени у каждой груды хлама. Или, может быть, этот скребок съедобен? Может, мы еще поспим на этом коврике? Или усядемся на него и полетим домой... а, раздражительный вы грызун?

– Думайте о том, что мелете, – закричал возбужденный Крыс. – Этот скребок вам ни о чем не говорит?

– В самом деле, – выходя из себя не на шутку, заорал Крот. – Прекратите ли вы, наконец, валять дурака?! Кто и когда слышал, чтобы скребок мог говорить? Он просто этого не делает. Это не тот сорт вещей, понимаете? Дверные скребки знают свое место!

– Тогда послушайте вы... вы, пустоголовая скотина! – по-настоящему осердившись, заорал Крыс. – Довольно рассуждать! Не говорите сейчас ни единого слова, кроме «копать». «Копать» и «смотреть». Особенно в сторону холмиков. Если

хотим сегодня спать в сухом и теплом месте, это – для нас единственная возможность.

Крыс атаковал сугроб рядом с найденными предметами. С пылом он зондировал снег своей дубинкой, а затем со злостью скреб обеими лапами. Крот тоже взялся копать в снегу, но скорее по настоянию Крыса, чем по собственному желанию. Как ни печально, но он был убежден, что его друг утратил свой светлый разум.

Около десяти минут упорной работы, и тяжелый посох Крыса стукнулся обо что-то полое. Раскачивая его во все стороны, Крыс трудился до тех пор, пока не смог просунуть в дырку лапу. Что-то нащупав, он позвал на помощь Крота и снова налег на работу. Прямо на глазах удивленного и недоверчивого Крота вскоре цель их деятельности начала проясняться.

Рядом с тем, что, казалось, было снежным сугробом, выросла /прочная на вид маленькая дверь, старательно выкрашенная темно – зеленой краской. Длинный шнурок от колокольчика раскаивался сбоку. На маленькой пластинке из желтой меди превосходным шрифтом выгравированы буквы. При свете луны они различили:

Мистер БАКСУК.

В крайнем потрясении и восторге Крот откинулся на спину в снег.

– Крыс! – с раскаянием в голосе закричал он. – Вы чудесник! Настоящий маг, вот кто вы! Я только теперь это понял!

Вы меня убедили в том, что у вас поистине мудрая голова! В тот момент, как я упал и порезал себе ногу, вы едва взглянули на мой порез, а совершенный разум уже подсказывал вам: «Дверная скоба!» И вы повернули назад и уверились в том, что она действительно там существует. И что же, вы на этом остановились? Нет! Некоторые этим вполне бы удовлетворились. Но только не вы! Ваш интеллект продолжал работать. «Дайте мне найти дверную рогожку, – сказали вы самому себе, – и моя теория подтвердится!» И, конечно же, вы нашли ее. Для вас это все так просто. Я полагаю, вы могли бы найти все, чего только пожелаете. «Теперь, – окончательно заключили вы, – та дверь существует так же верно, как если бы я ее видел. И сейчас ничего не остается, как найти ее!»

Я уже читал о подобных вещах в книгах, но я никогда не сталкивался с этим в реальной жизни. Вам нужно бы родиться среди тех, кто в состоянии оценить вас по достоинству. Вы растрчиваете себя здесь, среди наших парней. Если б только у меня была ваша голова, Крысик!

– Но так как у вас ее нет, – довольно жестко перебил его Крыс, – вы всю ночь будете сидеть здесь на снегу и болтать. Вставайте и сейчас же звоните в колокольчик. А я в это время буду стучать.

Итак, пока Крыс бил в дверь дубинкой, Крот подпрыгнул, вцепился в шнурок и принялся раскачиваться на нем. Спусти какое-то время, они оба услышали где-то в глубине мелодично пропевший серебристый отзвук...

IV. Мистер Барсук

Стоя в снегу и усердно топоча ногами, чтобы хоть как-то защитить себя от холода, они прождали, как им показалось, довольно долго. Наконец, за дверью послышался звук шаркающих неторопливых шагов. И Крот заметил Крысу, который являлся для него образцом сообразительности (а это именно так и было), что кто-то носит большие, не по ноге, ковровые тапочки со стоптанными задниками.

Раздался шум отодвигаемого засова, дверь открылась ровно настолько, чтобы показать длинную морду и пару сонных мигающих глаз.

– Сейчас, сейчас вы у меня достукаетесь, – проговорил грубоватый и подозрительный голос. – Вам удалось уже вывести меня из терпения. Кто в такое время года беспокоит народ, да еще ночью? Отвечайте громко и отчетливо!

– О, Барсук, – воскликнул Крыс, – пожалуйста, позвольте нам войти. Это я, Крыс, и мой друг, Крот, мы сбились с дороги.

– Что я слышу, Крысик, дорогой малыш! – совсем другим тоном воскликнул Барсук. – Входите оба сейчас же. Разве можно допустить, чтобы вы погибли?! Затеряться в снегу! В Диком Лесу и ночью! Ну, что же вы замешкались, проходите!

Оба животных в смятении протолкнулись вовнутрь и облегченно услышали позади себя звяканье затвора.

Барсук был одет в длинный халат, комнатные туфли его и вправду прилично стоптались, в лапе он сжимал подсвечник и, по всей вероятности, когда прозвучали их призывы, уже намеревался лечь в постель. Он мягко опустил на них глаза и потрепал обоих по загривкам.

– Это не та ночь, чтобы маленькие животные выходили из домов, – по-отечески сказал он. – Боюсь, что виною всему опять ваши проделки, Крысик. Но вы не стойте, идите. Идите в кухню. Там самый яркий огонь, ужин и все такое.

Освещая дорогу свечой, он зашаркал теперь впереди них, а они последовали за ним, нетерпеливо подталкивая друг друга на протяжении всего очень длинного и, надо заметить, довольно запущенного коридора, который привел их в некоторое подобие центральной прихожей, откуда им удалось очень смутно рассмотреть еще многие ветвящиеся туннелеобразные таинственные переходы, на вид казавшиеся бесконечными. Однако в прихожей, кроме того, обнаружилось немало добротных дубовых дверей. Одну из таких Барсук рывком потянул на себя, и все они окунулись в жар огромной кухонной печи.

Пол на кухне был выложен выщербленным красным кирпичом, в широкой каменной плите полыхали чурбачки. Рядом, в нишах, чтобы предохранить от всякого рода сквозняков, глубоко вдавились в стену два очень привлекательных места. Пара сидений с высокими спинками, поставленные друг против друга у огня, располагали к приятной бесе-

де. Посередине комнаты – длинный стол из струганых досок, взятый на козлы. По обеим сторонам – скамейки. На одном из концов, где отброшено кресло, раскиданы остатки барсучьего простого, но обильного ужина. Ряд безупречно чистых тарелок поблескивают в дальнем конце комнаты на полках кухонного шкафа. С балок над головой свесились окорочка, пучки засушенных трав, сетки с луком и корзины с яйцами. Все это очень напоминало пристанище, где какие-нибудь герои могли отлично отпраздновать свою победу или, где измаявшиеся и утомленные жнецы, балагурия, шутя и, делая время от времени зарубки на столе, неплохо поужинали бы в честь Праздника Урожая. А еще, если существуют на свете очень простые по натуре два-три друга, то они спокойно могли бы здесь пообедать, покурить и поболтать в удобстве и в удовольствии. Кирпичный пол очень недурно гармонировал с прокопченным потолком, дубовые скамьи, блестящие от долгого служения, весело переглядывались друг с другом, фарфоровые блюда скалили зубы над глиняными горшками, а задорный свет пламени ошалело мерцал на всем без исключения.

Добрый Барсук подтолкнул их к скамейке у очага, предложил снять мокрые пальто и ботинки. Затем он принес им халаты и тапочки, собственноручно промыл теплой водой голень Крота и залепил его ногу клейким пластырем настолько удачно, что штука эта стала такой же красивой, как и раньше, если даже не лучше. Сидя в тепле и уюте, обсохшие и со-

гревшиеся друзья устроили повыше свои утомленные ступни и с удовольствием слушали перезвон выставляемых тарелок. Животным, только что пережившим бурю, казалось, что они на безопасной якорной стоянке, а холодный нехоженный Дикий Лес остался где-то далеко-далеко на мили и мили. Все, что пришлось им перестрадать, сдвинулось в даль и казалось забытым.

Когда они окончательно согрелись и успокоились, Барсук приветливо позвал их за стол, где уже успел приготовить трапезу. Приятели, и без того испытывавшие сильный голод, при виде ужина, который услужливо развернулся перед ними, теперь задались только одним вопросом: за что бы приняться вначале? Все очень привлекательно, и все ждет, когда на него обратят внимание. Разговор довольно долгое время был невозможен, а когда очень нехотя восстановился, это был полный раскаяния разговор, потому что он велся с полными ртами. Барсук не придавал значения подобным вещам, точно так же как не замечал того, что на стол ставят локти или все начинают говорить одновременно. Поскольку сам он в Обществе никогда не бывал, то откуда-то получил представление, что такие мелочи принадлежат к категории вещей, которые вовсе не заслуживают внимания. (Вы, конечно, понимаете, что он заблуждался, так как все это полно очень большого смысла, хотя для того, чтобы объяснить почему, потребовалось бы немало времени). Он сидел во главе стола в своем кресле, внимательно слушал животных, кото-

рые рассказывали о своих приключениях, а в промежутках степенно кивал. Он не выглядел ни удивленным, ни шокированным. Он ни разу не произнес: «Я же предупреждал вас» или «Ну, а я что всегда говорил?». Ни разу он не заметил им, что они должны были сделать то-то и то-то и не должны были делать того-то и того-то. Крот начинал испытывать к нему все более и более дружеские чувства.

Когда ужин, наконец, был окончен, и каждое животное почувствовало, что, под шкуркой, как в приличном погребке, сделалось тесно и, пожалуй, уже не найдется ни единого местечка, чтобы еще что-нибудь там пристроить, они собрались вокруг краснеющих головешек у лесного огня, чтобы подумать о том, как это приятно посидеть здесь *так* поздно, в *такой* безопасности и, будучи *такими* сытыми. И когда поболтали о разных разностях, Барсук очень сердечно поинтересовался:

– Ну, а теперь расскажите, что новенького в ваших краях. Как там поживает старина Жаб?

– О-о, все хуже и хуже, – озабоченно проговорил Крыс, в то время как Крот, задрав ноги выше головы и млея от жара, пытался придать своему лицу подобающее скорбное выражение. – Вторая авария только за последнюю неделю и, надо сказать, тяжелая. Видите ли, он считает, что управлять машиной должен сам, а в этих делах он полный неудачник. Если бы нанял приличное, уравновешенное, натренированное животное, положил бы ему хорошее жалование и взва-

лил все заботы на него, возможно, дело и наладилось бы. Так нет! Он попросту убежден, что ему на роду написано самому водить машины. И никто, представьте, не может его переубедить, никто из наших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.